

Дмитрий Дубровский

Давид Фельдман. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Форум-Неолит, 2015. 486 с. ISBN 978-5-9905-5396-5.

Дмитрий Дубровский, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва). Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, Кривоколенный пер., 3, Москва, 101000, Россия. ddubrovsky@hse.ru.

Изучение права и политики в СССР наталкивается на известную проблему: можно ли, собственно, называть созданную здесь систему правом, и в каком смысле это право отличается от идеологии, которая фактически с первых дней советской власти заменила политику? Отсюда следует вопрос о том, каким образом можно изучать правовые практики государства, которое с самого начала заявило, что создает совершенно новый тип государства с полным отказом от предыдущей политико-правовой традиции (Pomegran 2019:73–90). Отчасти решить эту проблему помогает лингвистический поворот в изучении истории и права, который привел к появлению интеллектуальной истории и истории понятий (Копосов 2001:284–294). Таким образом, появляется «археология понятий» (Козеллек 2016), которая позволяет исследовать взаимодействие идеологии, языка, политики и права.

В рамках такой археологии понятий выполнено и исследование доктора исторических наук, профессора РГГУ (Москва) Давида Фельдмана «Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте». Для лучшего понимания того, как советские политические термины возникали и менялись, автор применяет модифицированную им методику немецкого логика Готлоба Фреге (1997). Согласно Фреге, смысл (*Sinn*) и значение (*Bedeutung*) связаны со знаком в треугольник, известный сейчас как треугольник Фреге. В этом треугольнике значение понимается как совокупность всех возможных значений (набор смыслов) определенного знака, а смысл – как актуализированный в конкретном высказывании или контексте смысл. В рамках исследования для автора было важно сначала установить общий круг значений того или иного политического термина, а затем его контекстуальный смысл в общей логике формирования того, что будет называться потом «социалистическим правом». По сути, Фельдман на основе «семантического подхода к истории» Рихарта Кебнера (Koebner 1953), истории понятий Райнхарта Козеллека (2016) и модифицированного метода Фреге создал инструмент анализа политических терминов советской эпохи как части дискурсивной власти авторитарного режима.

Автор исследования отталкивается от своеобразной метафизики советской истории, предложенной в известном докладе Никиты Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях». В этом докладе Хрущев говорит о трех эпохах в истории СССР, где «мифологизированная», по Фельдману, эпоха связана с именем Владимира Ленина, сталинская, по Хрущеву, – это время отступления от

«социалистической законности», а третья – эпоха возвращения к ленинским нормам. Эти нормы описываются Фельдманом через четыре связанных идеологемы и представляет собой четырехугольник: культ личности, репрессии, коллективное руководство, реабилитация. При этом «культ личности» и «репрессии» были связаны между собой сталинским прошлым, а светлое будущее, то есть «возврат к ленинским идеалам», характеризовалось как «коллективное руководство» и «реабилитация» (с. 14–15). Именно «археологии» этих идеологем и посвящено исследование Фельдмана.

Круг источников автора – в основном тексты советских правоведов и советских вождей, прежде всего Иосифа Сталина и Никиты Хрущева. В качестве подсобного материала выступают также публицистические тексты – в первую очередь политическая публицистика, посвященная различным аспектам функционирования того или иного понятия.

В первой главе книги «Культ личности и коллективное руководство» Фельдман рассматривает появление и развитие термина «культ личности» и противопоставленное ему понятие «коллективное руководство». Автор показывает, что в политической традиции, прежде всего в работах Георгия Плеханова и Владимира Ленина, нет традиции использования этого термина. Появление же его (впервые термин употреблен Георгием Маленковым) является, по мнению автора, окказиональным замещением выражения «культ Сталина», который в указанный период был невозможен (с. 51). Тем не менее такой термин позволял использовать полемике (еще XIX века) по поводу индивидуального террора народовольцев и эсеров и предложить не только устраивающий всех термин «культ личности», который позволял обходить прямой вопрос о личной ответственности Сталина за нарушения «социалистической законности», но и противопоставить ему правильный ленинский образ «коллективного руководства», которое адекватно представляет «интересы масс». Естественно, что при таком подходе «культ личности» понимался исключительно негативно.

Используя адаптированную методику Фреге, автор утверждает, что в этот момент смысл «культа личности» – «нарушение принципов этики и советских законов», а значение – абсолютная диктатура Сталина. В связи с этим смысл предложенного принципа «коллективного руководства» применительно к послесталинскому времени – устранение последствий диктатуры Сталина, а значение – собственно деятельность Хрущева, Маленкова и других высших функционеров после смерти Сталина (с. 60–61).

Во второй главе «Реабилитация» автор обращает внимание на эволюцию термина «реабилитация»: смысл его практически не меняется (это «оправдание»), но вот значение меняется заметно. Если во второй половине 1930-х годов реабилитация – это отмена решения партийной организации об исключении из партии (с. 81), то в хрущевское время это уже «прекращение уголовного преследования или отмена приговора» (с. 96). В дальнейшем, после активной фазы хрущевской десталинизации, значение продолжает изменяться – это уже «отмена всех последствий уголовного преследования в связи с отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления» (с. 107).

Не менее любопытно то, что термин «реабилитация», как указывает автор, впервые встречается у Лаврентия Бери. Исследование пары «репрессии – реабилитация» позволяет автору обратить внимание на известную неопределенность этого термина. С одной стороны, репрессии описывались как «исключительная» и внеправовая мера, с другой – как вообще несвойственная советскому праву, в отличие от «империалистических репрессий». Отчасти это было связано с идеологической задачей исключить какие-либо рефлексии по поводу красного террора эпохи Гражданской войны.

Автор заключает свой анализ важным выводом: неопределенность и изменчивость термина «реабилитация» позволяла «произвольно оправдывать или не оправдывать жертв произвола, который сам по себе назывался “культ личности”». Фактически «реабилитация» была парой к «репрессиям»: репрессированным считался тот, кого реабилитировали, а реабилитированным – того, кого считали репрессированным (с. 109).

Третья глава посвящена репрессиям. Здесь автор обсуждает, как термин «репрессии» рассматривался и употреблялся прежде всего в первых же советских публикациях по праву. Читая некоторые части этой главы, трудно отделаться от параллелей с известным текстом польского фантаста Станислава Лема «Звездные дневники Йона Тихого», в котором главный герой безуспешно пытается найти термин «сепульки» в энциклопедии цивилизации ардритов, поскольку энциклопедия содержала близкое «сепульки» как место для «сепуления»: «Сепуление – занятие ардритов, см. “сепульки”». И так по кругу. Термин «сепульки» не был определен нигде. Точно таким же образом термин «репрессии» отсутствует и в первых энциклопедических советских словарях по праву. Автор показывает, каким образом «запретный термин» пал жертвой терминологического жонглирования в советском праве, когда исчез и термин «наказание», который был заменен «мерами социальной защиты» (с. 192–193). Точно так же дело обстояло и со смертной казнью – заменивший его термин «высшая мера социальной защиты» также была общей частью нарратива, который автор определяет как «тупиковую магистраль», в рамках которой «наказание» определяли через «репрессии», а «репрессии» – через другие заменители, которые вовсе не получали своего объяснения (с. 204). В целом автор обращает внимание на то, как изменился смысл и значение термина «репрессии»: если в 1930-е годы смысл – это «законные средства подавления мешающих строительству коммунизма», а значение – «внесудебные ссылки, заключение под стражу», то после доклада Хрущева смысл изменился на «незаконные средства установления и сохранения режима культа личности», а значение на «расстрелы, содержание под стражей и другие внесудебные действия 1934–1954 гг.» (с. 245). В результате устанавливается связь между терминами «репрессии» и «реабилитация», и «революционная законность» и «социалистическая законность».

Четвертая глава посвящена именно тому, как соотносятся термины «революционная законность» и «социалистическая законность» со всеми вышерассмотренными. В этой заключительной главе автор обращается к тому, как в целом понятие «законность», формально унаследованное из дореволюционной России,

полностью меняет свое содержание (смысл и значение) сначала в ходе строительства советской власти (и сменяется «революционной законностью»), которая мигрировала от одобрения репрессий к противопоставлению им, и смыслом которой являлось некоторое ограничение полномочий ВЧК (с. 284). Этот термин пропадает, следуя рассуждению автора, уже в 1941 году и заменяется термином «социалистическая законность» (с. 364), при этом последний термин напрямую связывается именно с эпохой Сталина. Фактически, как показывает автор, этот термин продолжал оставаться неизменным и после смещения Хрущева вплоть до конца советской власти.

В заключении автор возвращается к изначально предложенной им схеме, иллюстрируя взаимоотношение между базовыми категориями нарратива постсталинского времени: сталинские репрессии и культ личности как «нарушения социалистической законности» противопоставлялись «реабилитации» и «коллективному руководству» (с. 397). Автор отмечает, что «только перестройка 80-х годов с введенным ею термином “политические репрессии” изменили смысл термина “политические репрессии” на “средство охраны преступного режима”», при этом значение вполне наследовало хрущевскую традицию.

Исследование Фельдмана не только глубоко фундировано, оно позволяет расширить рамку исследования как в предметном смысле, так и хронологическом. Сам автор делает такие вставки и в собственный текст – как «исследование в исследовании» о роли литературы в формировании нового языка права – с анализом поэмы Демьяна Бедного «Юридический трактат», так и в приложении, где находят себе место анализ идеологемы декабристов в русской, советской и постсоветской культуре, исследование идеологем «красных» и «белых» в историко-культурном контексте, а также «партизаны» в отечественных и прочих войнах (с. 412–458). Эти приложения позволяют автору продемонстрировать возможности использования его метода и на другом историко-литературном материале.

Таким образом, перед нами не только глубокое, но и очень емкое исследование методов функционирования советской фабрики смыслов, взаимоотношений между идеологией, языком власти, политикой и правом. Можно безусловно согласиться с тем, что исследование такого рода – это «задача историко-филологическая», и, разумеется, должна решаться методами, принятыми в истории и филологии. Пожалуй, основным вопросом остается внутренний механизм изменения этого нарратива – представляется, что термин «манипулятивная технология», который автор использует в своей монографии, не вполне удачен. Как показывает сам автор, помимо очевидной идеологической составляющей, которая оказывала влияние на появление и развитие ключевых категорий политического языка советской эпохи, этот язык обретал и свои закономерности, которые, как явственно следует из текста этого замечательного во многих отношениях исследования, как раз зачастую вступали в конфликт с заявленной интенцией. Разумеется, этот вопрос продолжает оставаться актуальным и до настоящего времени – исследование политического языка советской эпохи безусловно должно продолжаться потому, что во многих смыслах и значениях категории политического языка современной России не только стоят, но и сознательно и бессознательно воспро-

изводят тот политический язык, политический разрыв с которым декларировала новая Россия в 1991 году. Советский политический язык с его категориальным аппаратом продолжает оставаться актуальным до сего момента, а потому исследование Фельдмана требует своего продолжения как исследование языка политической современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Козеллек, Райнхарт. 2016. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории». *Социология власти* 28(2):149–173.
- Копосов, Николай. 2001. *Как думают историки*. М.: Новое литературное обозрение.
- Фреге, Готлоб. 1997. *Избранные работы: Готлоб Фреге*. М.: Дом интеллектуальной книги.
- Koebner, Richard. 1953 "Semantics and Historiography." *The Cambridge Journal* 7(3):131–144.
- Pomeranz, William E. 2019. *Law and the Russian State: Russia's Legal Evolution from Peter the Great to Vladimir Putin*. London: Bloomsbury Academic.